

А.Е. Зарин

**"Ложный след" - роман;
"Благородный спорт" -
рассказ**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
А11

А11 **А.Е. Зарин**
"Ложный след" - роман; "Благородный спорт" - рассказ / А.Е. Зарин – М.:
Книга по Требованию, 2021. – 216 с.

ISBN 978-5-518-00876-2

ISBN 978-5-518-00876-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

нимъ. Они будутъ давать уроки, станутъ держать мебелированныя комнаты, столовую для студентовъ, библіотеку, словомъ, они схватятся съ жизнью, какъ настоящіе борцы, и, понятно, выйдутъ побѣдителями. Ихъ молодыя силы, одушевленные любовью, сломятъ всѣ преграды!

Какихъ пылкихъ мечтаній ни слышали стѣны маленькой гостинной Роциной! На развернутомъ ломберномъ столѣ кипѣлъ самоваръ; привѣтливо, мягкимъ свѣтомъ, горѣла лампа; дружной семьею сидѣли они трое вокругъ стола, и Гроховъ, какъ дважды два—четыре, доказывалъ несомнѣнность ихъ жизненной побѣды.

Его пылкою рѣчью увлекалась даже Авдотья Павловна, а Проня заливалась веселымъ дѣтскимъ смѣхомъ и въ радости хлопала въ ладоши.

И вдругъ, не прошло еще года, и Гроховъ вчера разбранился съ Гинтовтомъ, бросилъ свое мѣсто, а завтра ѣдетъ въ Петербургъ уже не учиться, а искать мѣсто. Весь планъ разстроился, но цѣль осталась та-же. Чего-же горевать?

— Ты уѣдешь, — съ тоскою сказала Проня.

— Къ Рождеству ты пріѣдешь ко мнѣ, — отвѣтилъ Гроховъ.

— Полгода!

— Люди ждутъ своего счастья десятки лѣтъ.

Темноту липовой аллеи перерѣзала широкая полоса холоднаго электрическаго свѣта. Это былъ недавно открытый загородный садъ «Моя радость» съ акробатами, музыкой и шансонетками. Широкій подъѣздъ былъ разукрашенъ разноцвѣтными шкаликами; къ нему то и дѣло подъѣзжали экипажи; два городовыхъ и околоточный мѣрно ходили по площадкѣ; кассиры высовывались изъ своихъ будочекъ, а билетеры суетливо хлопотали, протягивая каждому входящему красныя листы афишъ.

— Пройдемъ скорѣе! — шепнула Проня.

Они ускорили шагъ и быстро перешли ярко освѣщен-

ную площадку. Какой-то юноша въ цилиндрѣ, съ помятымъ лицомъ, нагло заглянулъ въ глаза Прони, отчего она съежилась и пугливо прижалась къ плечу Грохова.

Непроглядная тьма окружила ихъ, едва они миновали площадку; Гроховъ поднялъ руку Прони и прижалъ къ своимъ губамъ.

— И знаешь, — заговорилъ онъ: — я доволенъ, въ концѣ-концовъ. Отъ Гинтовта я не могъ ничего скопить (развѣ наградилъ-бы); время шло и терялось бесплодно. А теперь? теперь все сокращается на годъ, на цѣлый годъ! Скворцовъ общался похлопотать. Онъ не такой человѣкъ; на него положиться можно. Я стану получать 50, 75 рублей; къ Рождеству приѣдешь ты съ мамой — и все пойдетъ; какъ по писанному. На годъ раньше! А потомъ: и тяготила меня служба у этого мерзавца!.. я-же тебѣ не разъ говорилъ.

— Изъ-за чего ты поссорился?

— Не спрашивай, я все-равно не скажу, — отвѣтилъ онъ, и Проня почувствовала, какъ нервно сжалась его рука.

Вдругъ, онъ засмѣялся.

— Ахъ, Проня! — если-бы ты видѣла, какая у него была смѣшная рожа! какъ онъ струсилъ. Онъ, дѣйствительно, обозлилъ меня, и я ему крикнулъ: «убью, какъ пса», или что-то въ этомъ родѣ. Какъ онъ отпрыгнетъ, толстый, жирный!.. спрятался за столъ и сталъ звать лакея. Я плюнулъ и ушелъ.

— Ты не видался съ нимъ больше?

— Зачѣмъ? вчера онъ прислалъ мнѣ, «по благородному», за три мѣсяца жалованье; я взялъ за одинъ, остальное послалъ обратно. Зачѣмъ намъ видѣться?

— Какъ Вишнякова обидится! вѣдь, она рекомендовала.

— А шутъ съ ней! Она все-равно продаетъ ему свою дочь.

— Зачѣмъ ты говоришь такъ?! Гадко!...

— Навидался я у этого Гинтовта... и наслушался. Они подошли къ лѣсу. На нихъ пахнуло сыростью.

— Пойдемъ назадъ, — сказала Проня.

Они повернули. До нихъ доносилось пѣніе изъ сада:

Ми-ла-я, ты услышь ме-ня,

Подъ окномъ сто-ю я съ гита-рою! —

распѣвалъ чей-то высокій теноръ. Гроховъ остановился. Эта душная, темная ночь и раздражающее пѣніе внезапно словно опьянили его. Онъ схватилъ руками Проню и сталъ цѣловать, ища въ темнотѣ ея губы.

— Ми-ла-я,—шепталъ онъ, невольно попадая въ ритмъ пѣнія.

Проня замерла и вся отдалась его ласкамъ.

— И люблю-же я; Господи, какъ люблю! — воскликнулъ Гроховъ, снова беря подъ свою руку руку Прони.

Она прижалась къ нему и сжала его локоть.

Они тихо подходили къ освѣщенной площадкѣ.

Музыка, ароматная ночь и любовь, наполнявшая ихъ сердца, кружили имъ головы.

Вдругъ, у самой площадки, Гроховъ отшатнулся и увлекъ Проню въ темноту аллеи.

— Онъ!—шепнулъ Гроховъ.

— Кто?

— Гинтовтъ!

Изъ пролетки, лихо подкатившей къ подъѣзду, медленно выльзъ полный, высокій мужчина въ изящномъ пальто и свѣтломъ цилиндрѣ. Полное, самодовольное лицо его было румяно и бѣло; маленькіе глаза нагло смотрѣли по сторонамъ, а мясистые губы и подбородокъ придавали лицу его что-то животное.

Онъ медленно, въ перевалку пошелъ къ подъѣзду; билетеры съ заискивающей улыбкой бросились къ нему. Въ это время къ подъѣзду подошла дама въ ухарски надѣтой на бекрень шляпѣ.

Гинтовтъ съ грубымъ смѣхомъ обхватилъ ее за талию и скрылся съ нею въ подъездѣ.

— Каналья!.. — прошептала Гроховъ.

— Чего ты ругаешься? — улыбнулась Проня.

Ей нравилось всегда негодованіе Грохова, потому что въ немъ слышалось возмущеніе благороднаго сердца.

— Все-же я радъ, Проня, — повторилъ Гроховъ, когда они миновали площадку: — что все такъ кончилось. Все къ лучшему, моя дорогая!

— Ну ты уфденъ, — повторила и Проня.

— Глупости! что значать полгода! а зато...

И Гроховъ началъ мечтать вслухъ. Слушая его горячія рѣчи, нельзя было не повѣрить въ возможность осуществленія этихъ грезъ. Развѣ неправда, что они сильны и молоды, что они любятъ другъ друга? развѣ они не знали нужды, лишней, чтобы испугаться ихъ?..

Проня слушала его, затаявъ дыханье, и все крѣпче и крѣпче прижималась къ его плечу. О, съ нимъ она дѣйствительно узнаетъ счастье! подлѣ него ей не будетъ страшно!..

Они подошли къ дому. Въ домѣ уже все спали, и пять окошекъ квартиры Роциныхъ холодно бѣлѣли своими занавѣсками въ темнотѣ ночи.

— Прощай, милый, — сказала Проня: — ты придешь завтра?

Гроховъ обнялъ ее и сталъ цѣловать безъ счету.

— Приду, приду, приду! — говорилъ онъ при каждомъ поцѣлуѣ.

— Пусти! — вырвалась, наконецъ, отъ него Проня: — когда-же?

— Напишу письма, уложусь и — къ тебѣ! Вѣроятно, къ обѣду.

— Когда поѣдъ?

— Въ одиннадцать ночи.

— Я пойду провожать тебя. До свиданья, милый!

— Прощай, ласточка! Я подожду тебя!—крикнулъ онъ вслѣдъ Пронѣ.

Она ушла, а онъ остался на улицѣ.

Крайнее окошко тихо растворилось. Гроховъ осторожно подошелъ къ нему.

— Мама спитъ уже,—прошептала Проня.

Гроховъ обнялъ ее. Ему трудно было разстаться съ нею, и, когда онъ, наконецъ, оторвался отъ нея и пошелъ отъ дома, то нѣсколько разъ оглядывался и улыбался въ темнотѣ ночи, думая, что его видитъ дорогая Проня. Она стояла передъ нимъ, какъ живая: высокая ростомъ съ прямымъ носомъ, смѣлыми глазами и густыми, темными бровями надъ ними; ея губы улыбались ему, ея руки протягивались къ нему, и онъ невольно улыбался своему видѣнію.

«Милая, ты услышь меня»,—пѣло въ его душѣ, пѣло вокругъ въ темнотѣ ночи, которая и дразнила, и нѣжила его, и заставляла неотступно думать о своемъ счастьѣ, о Пронѣ.

II.

Проня, простившись съ Гроховымъ, не могла заснуть сразу. Передъ нею вдругъ словно открылась новая жизнь. Сперва она будетъ безъ него, одна. Это ей казалось какъ-то странно, потомъ переѣздъ въ Петербургъ, и потомъ... Краска заливала ея лицо, и она боялась мечтать дальше... О, они будутъ счастливы! Въ сотый разъ она вспоминала всѣ мелочи ихъ первой встрѣчи, знакомства, любви и цѣлыхъ два года полного, безпредѣльнаго счастья.

Юный, стройный и гибкій, какъ лоза, съ большими сѣрыми глазами и какою-то дѣвственной чистотою лица, онъ явился въ первый разъ передъ нею въ черной гимназической курткѣ. Какъ забавна, но какъ хороша была эта первая ребяческая любовь, перешедшая потомъ въ такое сильное чувство!

Дни бѣжали за днями, и, вдругъ, ея мальчикъ превра-

тился въ настоящаго мужчину. Грудь и плечи развились и окрѣпли, лицо приняло мужественное, серьезное выраженіе, и бѣлокурая, нѣжная бородка, опушившая его подбородокъ, сдѣлала его сразу взрослымъ.

Она лежала, раскрывъ глаза, и, смотря въ темноту ночи, едва успѣвала слѣдить за мыслями, непрерывной лентой пробѣгающими въ ея головѣ.

— Ты счастлива, Проня? — вдругъ услышала она ласковый голосъ матери.

— О, да, мама! — тихо отвѣтила Проня.

Авдотья Павловна вздохнула и подумала, что такое счастье дается только разъ въ жизни.

И она была счастлива, а потомъ? ея мужъ умеръ внезапно, оставивъ ее съ крошечной Проней безъ всякихъ средствъ къ жизни. Она бросилась учиться. Это была тяжелая жизнь: береги дочь, добывай деньги и учись, учись!.. потомъ она переѣхала въ этотъ городъ, и тутъ началась тяжелая, трудовая жизнь. Сколько пришлось испытать ей нужды и горя, прежде чѣмъ она добилась личной практики.

Да, счастье дается только разъ въ жизни, да и то — надолго-ли?..

Гроховъ шелъ, не разбирая дороги; онъ вышелъ въ городъ, пересѣкъ его и перешелъ на другую его окраину, къ горамъ.

Въ городѣ всѣ спали; ночная тишина царила въ улицахъ, и ее изрѣдка нарушали только крикъ пьяницы, дребезжанье дрожекъ или пронзительный свистокъ городского.

Гроховъ шелъ, весь отдавшись обаянію чудной ночи и своей молодой любви. Мало-по-малу мысли его приняла опредѣленное направленіе. Онъ сталъ думать о томъ, что ожидаетъ его въ неизвѣстномъ Петербургѣ, какъ онъ устроится, какъ встрѣтитъ ее, Проню, и какъ устроить они свою новую жизнь.

Вдругъ, онъ вздрогнулъ и невольно, злобно, сжалъ свои кулаки. Ему припомнилась послѣдняя сцена съ Гинтовтомъ.

Сигизмундъ Феликсовичъ Гинтовтъ былъ когда-то гусаромъ; съ небольшимъ капиталомъ, въ чинѣ ротмистра, онъ вышелъ въ отставку и занялся «аферами»; онъ, попросту, отдавалъ деньги въ ростъ, не стѣняясь даже цѣнными вещами, которыя бралъ подъ залогъ. Въ десять, двѣнадцать лѣтъ, онъ нажилъ себѣ крупное состояніе.

Гроховъ увидѣлъ его у Вишняковыхъ, гдѣ этотъ Гинтовтъ ухаживалъ за ихъ дочерью. Грохову противно было глядѣть на это ухаживанье. Наглый, старый, сластолюбивый Гинтовтъ не скрывалъ своихъ чувствъ, несмотря на все отвращеніе къ нему Татьяна. Сама Вишнякова ухаживала за нимъ, и Гроховъ ясно понималъ поведеніе Гинтовта.

Когда онъ окончилъ гимназію и искалъ мѣста, Вишнякова рекомендовала его Гинтовту, и тотъ взялъ его въ качествѣ секретаря за 50 руб. въ мѣсяцъ. Онъ взялъ его скорѣе, какъ собесѣдника, и съ наслажденіемъ развращалъ душу юноши своими циничными разговорами.

Гроховъ терпѣлъ, негодуя. Гинтовтъ часто говорилъ ему о прелестяхъ Татьяны и, плотноядно хихикая, повторялъ:

— Не увернуться! Серафимочка вся у меня въ рукахъ! Вотъ! — онъ показывалъ сжатый кулакъ.

Серафимочкой онъ называлъ мать Татьяны, Серафиму Герасимовну. Гроховъ вздрагивалъ въ отвращеніи и предпочиталъ лучше писать подъ его диктовку «собраніе салменныхъ рассказовъ и анекдотовъ», чѣмъ слушать его бесѣды.

И вотъ, на-дняхъ, Гинтовтъ рѣшился въ своихъ разговорахъ коснуться Прони.

— Прехорошенькая дѣвченка, — сказалъ онъ про нее, вспоминая вечеръ, проведенный у Вишняковыхъ.

Гроховъ вздрогнулъ.

— Я, знаете, люблю такихъ, — продолжалъ, плотоядно улыбаясь. Гинтовтъ: — стройная, гордая! неприступная! И вотъ она начинаетъ понемногу сдаваться. Сперва въ глазахъ ея молніи, потомъ недоувѣріе, любопытство, а тамъ вспыхнетъ огонекъ, а тамъ... о-о! — Гинтовтъ откинулся въ креслѣ и закрылъ глаза: — я, знаете, люблю эту дѣвственную цѣломудренность. Теперь она рѣдкость.

— Сигизмундъ Феликсовичъ, я попрошу васъ замолчать, — дрожащимъ отъ волненія голосомъ остановилъ его Гроховъ.

Гинтовтъ въ изумленіи раскрылъ глаза.

— Это почему?

— Потому... потому, что она — моя невѣста! — отвѣтилъ онъ.

Гинтовтъ хлопнулъ рукой по колѣнкѣ и захохоталъ.

— О-го-го! губа-то не дура! ай да чонецъ!

— Я васъ прошу...

— Ну, бросьте, бросьте! — ласково сказалъ Гинтовтъ и насмѣшливо прищуриваясь, продолжалъ: — славенькая, а? я думаю, когда цѣлуешь...

— Замолчите! — заоралъ Гроховъ, вскакивая съ мѣста.

Гинтовтъ отшатнулся и засмѣялся еще наглѣе.

— Ревнуете? бросьте, птенецъ, это не въ модѣ! Все равно ее потомъ купятъ. Вопросъ: кто первый!..

— Подлецъ! — крикнулъ Гроховъ.

Гинтовтъ не унимался.

— Уступите миѣ мѣсто: озолочу!

Гроховъ не выдержалъ и съ бѣшенствомъ бросился на Гинтовта. Тотъ успѣлъ забѣжать за письменный столъ.

— Убью, какъ собаку! — прохрипѣлъ Гроховъ, наступая.

— Василий! — закричалъ перепуганный Гинтовтъ.

Въ кабинетъ вбѣжалъ рослый лакей.

Гроховъ очнулся.

— Подлецъ! — повторилъ онъ въ лицо Гинтовту и, хлопнувъ дверью, вышелъ изъ кабинета.

Теперь, вспоминая эту сцену, Гроховъ не могъ удержать своего негодованія. Онъ чувствовалъ, какъ кровь прилила къ его головѣ, и невольно злобно сжалъ кулаки.

— Баринъ, дай на ночлегъ! — прохрипѣлъ подлѣ него пьяный голосъ.

Гроховъ молча продолжалъ путь. Грубая рука схватила его за плечо.

— Баринъ, слышь! давай скорѣе! сколько хочешь, не позволю; слышь! потому какъ я — блудный сынъ, — хрипѣлъ пьяный голосъ, а рука давила плечо Грохову.

Онъ размахнулся и ударилъ наотмашь. Рука его сильно ударилась о что-то твердое. Онъ услышалъ стонъ, ругательство и, освободивъ свое плечо, быстро перешелъ на другую сторону улицы и пошелъ домой.

Эта встрѣча отрезвила его. Онъ тихо поднялся въ мезонинъ деревяннаго флигеля, гдѣ у сапожника Сухорукова снималъ комнату, и вошелъ къ себѣ.

Засвѣтивъ свѣчку, онъ хотѣлъ было писать письма, но настроеніе его было испорчено. Онъ ничего не могъ дѣлать и сталъ медленно раздѣваться. Снимая коломенковый пиджакъ, онъ увидѣлъ на правомъ рукавѣ широкую кровавую полосу. Онъ съ отвращеніемъ сбросилъ съ себя пиджакъ. На рукавѣ рубашки было тоже нѣсколько кровавыхъ пятенъ.

«Вѣрно, по носу угодилъ», — съ гадливостью подумалъ Гроховъ, сбрасывая съ себя рубашку. Черезъ нѣсколько минутъ онъ лежалъ уже въ постели и крѣпко спалъ, не предчувствуя страшной бѣды, которая нависла надъ нимъ.

III.

Феногенъ Лопатый, кухонный мужикъ Бѣгешева, не только успѣлъ исполнить всѣ данныя ему порученія, но даже напиться пьянымъ. Ни свѣтъ, ни заря онъ тороп-

ливо впрегъ лошадь въ телѣгу, ввалился въ нее и погналъ въ усадьбу.

Утренній свѣжій вѣтерокъ разобралъ его голову, еще тяжелую отъ вчерашняго пьянства, и онъ крѣпко задремалъ, стучаясь головою о борты телѣги.

— Вотъ барское житье, эхъ-ма!—бормоталъ онъ въ просонкахъ:—ѣшь, пей, жизнь тебѣ масляная. Теперь захотѣлъ Ляксѣй Миколаичъ праздникъ дѣлать,—сичасъ вотъ тебѣ письмо въ хруктовую. Тутъ тебѣ всякой-всячины навалили. Теперь опять письма раздай; примѣрно, господину Адову, Вишнякову, г-ну Морозову, и сейчасъ всѣ они тебѣ на чаекъ, на водку, на угощеніе! Господи, четыре рубля! Теперь съ Федоромъ штофъ, съ Антипомъ пару пива, съ Матреной, — шутъ ее дери!.. И Феногенъ Лопатый въ полудремѣ продолжалъ-бы разсуждать всю дорогу вплоть до усадьбы Бѣгшева, если-бы не почудилось ему, что съ лошадыю творится что-то неладное. Телѣга круто завернула въ бокъ, толкнулась, прыгнула и стала откатываться.

Феногенъ очнулся и выпрямился. Лошадь, свернувшая къ канавѣ вдоль лишивой аллеи, чтобы пощипать траву, вдругъ насторожила уши, взъежила гриву и стала пугливо пятиться, сбивая въ сторону телѣгу.

— Тирру! дьяволь, лѣшій! — принялся ругаться Феногенъ, понукая лошадь, но дѣло уже зашло слишкомъ далеко.

Передняя ось вся подбилась подъ телѣгу, и надо было вывести лошадь на дорогу подъ уздцы.

— Эхъ, чтобъ тебя! — выругался Феногенъ, лѣниво выльзая изъ телѣги и подходя къ лошади.

Но едва онъ подошелъ къ лошадиной мордѣ, какъ весь хмель выскочилъ у него изъ головы, и онъ заоралъ чуть не благимъ-матомъ:

— Батюшки-свѣты, карауль!

Кругомъ была мертвая тишина, и никто не отозвался